

Михаил Востриков

**СВО: из 200 в
300 и 500**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Востриков

СВО: из 200 в 300 и 500

<https://litres.ru/73184393>

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

<p>Всю жизнь пил, а потом встал и пошёл воевать. Что им двигало? Деньги? Лишь отчасти, пил же и без них...</p>

Михаил Востриков

Из 200 в 300 и 500

Моему младшему брату

Чего терять? Всё на гражданке пропил.

Случись чего – водяры накатил!

*Из двести в триста и пятьсот – в одном
флаконе*

Он умудрился, Господи, прости!

(Крестина Гладкевич)

Неожиданный звонок

На белой прикроватной тумбочке запиликал WhatsApp в дешёвом китайском смартфоне, который Женьке вместе с новой SIM-кой и гарнитурой днями принесли хабаровские волонтеры. А то же вообще никакой связи не было, свой-то телефон куда-то делся при взрыве.

– Алло... – большим пальцем правой руки, торчащим из гипса, Женька нажал на кнопку гарнитуры, заботливо вставленной ему в ухо всё теми же волонтерами. Спасибо им, ещё ему трусы купили, очки, кроссворды и сыну Юре позвонили – фотку Женькину ему послали, что это он и его новый номер.

Таким образом, отвечать по телефону Женька уже умел, а вот если самому нужно было позвонить, то звал набрать номер сестричку.

Теперь сын Юра, бывшая жена Наташа, которых он давно уже потерял из-за водки, каждый день ему звонили, поддерживали, и вообще... опять они у него появились. Даже старший брат Миша, когда узнал, что Женьку ранило, сподобился выйти на связь, видать, простил, а может, просто, пожалел.

Сначала Женька по телефону всё больше молчал, кончик языка срезан был осколком, и зубы выбиты, трудно было говорить, шепелявил. Но потом, как немного зажило, разболтался. Милое же дело со своими поболтать вволю, когда лежишь целыми днями и делать, ну совсем нечего.

Триста первый хабаровский госпиталь

В травматологическом отделении госпиталя палаты были на четверых и сейчас все койки в них были заняты.

«Значит, наступаем на фронте, верный признак, – подумал Женька. – Когда на фронте затишье, половина коек пустые.

Все в отделении, кроме Женьки – кто без руки, кто без ноги, а то и без обеих. Но не было в палатах доверительных разговоров, как это бывает в поездах и гражданских больницах. Где и как случилось, друг другу не рассказывали. Бо-

ялись osobистов? Да нет, конечно! Как встретят дома, как жить дальше?! Вот за это они переживали, этого боялись, и небезновательно. В общем, всё в себе.

А Женьке повезло, койла, грабки и цирлы (яйца, руки, ноги) были на месте, только что в гипсе и железе, да пальцы переломаны. Пожалели его врачи, не оттяпали их, побитые осколками, поборолись за них. На левой ноге вообще же голая кость была, без кожи и мяса. А потому что, ему сказали, фронтовые медики уложились по нему в «золотой час», как он воскрес в морге, и по всем их пяти медицинским эшелонам спасения Женька очень удачно прокатился, как с ледяной горки на саночках съехал.

Хмурое декабрьское утро 2024 года. Триста первый окружной клинический военный госпиталь в Хабаровске, что на улице Серышева – огромный современный медицинский комплекс, жил своей жизнью.

Санитарки на отделениях уже закончили развозить по палатам завтрак, собрали посуду и теперь в них на совесть прибирались – намывали полы, протирали дезинфицирующим раствором стены, окна, тумбочки и кровати.

Медсёстры обихаживали пациентов – перевязывали, по назначению готовили их к операциям, таблетки, уколы – никого не пропустить! А кого и с ложечки приходилось кор-

мить, утки менять, подмывать, мокрыми салфетками протирать. Нормально!

Перелом основания проксимальной фаланги пятого пальца правой кисти со смещением отломков. Врачи со студентами-медиками белыми стаями перелетали вслед за жоаком-профессором из палаты в палату – утренний обход. Раньше, до СВО, основными пациентами этого госпиталя были ветераны ВОВ, афганской и чеченской войн, со своими хроническими старческими недугами, и гражданские со всеми болячками подряд, а сейчас, пожалуйста: Осколочное ранение головы с дефектом мягких тканей нижней губы. Осколочное слепое ранение правого глаза. Множественные осколочные ранения мягких тканей груди, живота и конечностей. Многооскольчатый перелом костей левого предплечья в нижней трети с обширным дефектом мягких тканей и дефектом костной ткани большеберцовой кости. Огнестрельный многооскольчатый перелом костей левого предплечья с обширным дефектом мягких тканей и костной ткани левой локтевой кости. Ожоги I-IIIА степени. Огнестрельный перелом альвеолярного отростка верхней и нижней челюсти. Травматическая ампутация дистальной и части средней фаланги до средней трети её диафиза.

И это только у одного Женьки был такой «миленький» наборчик ранений! Тренируйтесь на нём получше, товарищи медики, он не против! В общем, хороший это был госпиталь, в глубоком тылу, в пятом эшелоне, в счастливом городе Ха-

баровске.

Счастливым город Хабаровск

И такое в этом госпитале происходило каждое утро, уже почти сто шестьдесят лет, без перерыва, начиная с 1867 года, со дня основания лазарета команды военного поста, сформированного из солдат тринадцатого Сибирского линейного (пограничного) батальона под руководством штабс-капитана Я. В. Дьяченко.

Женька читал... как ни странно, он интересовался историей России, что этот военный пост генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский повелел обустроить у Амурского утеса в устье реки Уссури и нарёк его «Хабаровкой». Отсюда и пошёл город Хабаровск.

Генерал-губернатор был человеком весьма образованным, креативным и всегда находил простые решения для очень сложных вопросов. Так он на льду Амура попарно выстроил штрафных солдат с приезжими крестьянскими девушками из Забайкалья и лично их всех повенчал (поп отказался). Для заселения Приамурья нужны были семьи.

А когда ему на краю света понадобилось большое войско, он попросил царя подписать указ, по которому все записные крестьяне Дальнего Востока были возведены в казацкое достоинство. Со всеми вытекающими обязанностями, пра-

вами, льготами и привилегиями. Так и сделалось дальневосточное казачество – мощное воинское сословие.

Граф лично определял расстановку военных постов для охраны границы после заключения им в 1858 году победного для России Айгунского договора с китайской династией Цин (это по нему всё Приморье и земли по левому берегу Амура отошли к Российской империи) и нарекал эти посты собственными именами. Да, возможно, несколько пафосными, но по существу.

Так в открытой им бухте Золотой рог залива Босфор Восточный в 1860 году появился военный пост «Владелец Востока». А ещё граф основал Благовещенск, Николаевск-на-Амуре, Хабаровск. Красиво же?!

Ошибочно считается, что военный пост «Хабаровка» был назван графом в честь русского конкистадора XVII века казачьего атамана Ерофея Павловича Хабарова – составителя первого «чертежа реки» и собирателя Даурских земель. Многие так думают, и даже в этом уверены. Но так ли это?

Конечно же, граф знал, кто такой Ерофей Хабаров, однако оценивал результаты его походов на Амур в 1649-1650 резко отрицательно – «безместные шатания по водам» с внутренними междоусобицами и насильственными захватами поселений у даурских и дючерских князей.

«Всеобщий переполох», который железом и кровью учинил Хабаров на Амуре, не пошел на пользу России. Вместо того, чтобы поладить с местными, Ерофей Павлович их гра-

бил и убивал. «Усилиями Хабарова на Амуре стал господствовать один лишь дух ясака и грабежа». Именно Хабаров стал причиной того, что приамурские народы в дальнейшем поддержали Китай, а Россия на время потеряла свои позиции на Дальнем Востоке. И Муравьеву при подготовке мирного Айгунского договора пришлось это всё съесть большой ложкой.

По словарю Даля, старинное русское слово «хабар», «хабара» – это удача, везение, счастье, прибыль. Хабарное дельце – удачное, с выгодой. Это слово скорее всего и легло в основу названия нового военного поселения на Амуре в значении счастливого (удачливого) приобретения.

А вот это уже было похоже на правду!

Пять эшелонов спасения

И что же это за пять эшелонов спасения, по которым так удачно прокатился раненый Женька? А это эшелонированная система работы медиков на СВО в целом.

Первый эшелон:

Это эвакуационные группы с основной задачей – как можно быстрее вытащить раненого бойца с поля боя, оказать ему первую помощь и доставить на пункт сбора раненых или

в полевой госпиталь. «Эвакуи» – эти ребята, одновременно, спасают раненых и стреляют из автоматов. В основном, это парамедики – не профессиональные врачи, а бойцы, прошедшие специальные курсы. Там их учат, например, что делать при поражении мелкими вольфрамовыми шариками из касетных боеприпасов. Ох-х уж эти шарики... Они попадают в тело бойца даже через застёжки бронежилета.

Но если нет парамедиков, эвакуами становятся и обычные бойцы, кого пошлёт командир.

Второй эшелон:

Пункты сбора раненых (точки эвакуации) – это где-то очень близко или на самой ЛБС – линии боевого соприкосновения, передовой, где профессиональные медики, в основном, фельдшеры, стабилизируют состояние раненых бойцов. Их главная задача вместе с эвакуационной группой – обеспечить «золотой час». Если в течение часа раненый стабилизирован, его шансы на выживание очень велики. Операции на передовой никто не проводит, только перевязывают, колют и дают таблетки.

Третий эшелон:

Это полевые госпитали в ближнем к фронту тылу. Здесь

уже оперируют.

Четвертый эшелон:

Это распределительные центры эвакуации по большим медицинским стационарам, как по госпиталям, так и по гражданским больницам.

Пятый эшелон:

Это стационарные военные госпитали в глубине территории России. Часто их роль выполняют и гражданские больницы. Время такое.

Ну вот теперь Женьке всё стало ясно и всё так и было...

Пропавшие документы

Без бумажки, ты букашка. Так говорит народ, а народ всегда прав! А документов у Женьки и впрямь не было. Никаких! Не то что это ему в госпитале жить не давало, но и не помогало, точно.

То с утра сообщали, что его уже сняли с довольствия и отправляют в его часть, но завтраком покормили.

– Это как, вместе с кроватью? – весело удивлялся Женька.
– Да я бы и рад! А чего, привяжу пулемёт к спинке и та-та-та

по противнику, в одних трусах, под простынкой! – одежды же у него тоже не было. Никакой.

То к обеду сообщали, что разобрались и на довольствие его опять поставили, обедом покормили. И так несколько раз. В общем, документы надо было как-то добывать!

Спасибо офицеру-строевику! Да, строевой отдел в госпитале тоже был, госпиталь же воинская часть. По личному номеру на жетоне-«смертнике», что висел у Женьки на шее, строевик выписал ему дубликат военного билета и сказал:

– Обычное дело, братишка, это армия! Пока служишь, «военник» для тебя самый главный документ и теперь он у тебя опять есть! Ладно, выздоравливай... чем мог, помог, остальное, как встанешь на ноги, решай со своей частью, военкоматом и полицией, это они паспорта выписывают.

А ещё он направил запрос от госпиталя в Женькину часть, и по этому запросу замполит Женьке и звонил.

– Алло... – повторил Женька в телефонную гарнитуру китайского смартфона. – А вы кто?

Это наш, на-а-аш!

В палате госпиталя было хорошо – тепло, светло, чисто и

не воняло. Кроме, просто, неба, в краешке оконного стекла ещё был виден Амур:

«Надо бы этот Амур потом получше рассмотреть, – подумал Женька. – Потом... это когда уже встану на ноги, пока никак. Неужели Амур, как говорят, в несколько раз шире нашей Оби? Обалдеть... Дальний Восток б!»

На Дальнем Востоке Женька уже один раз был. И здесь его уже один раз спасал от верной гибели студент-медик... На острове Шикотан это было, на Курилах, где Женька ещё школьником десятиклассником, при СССР, два летних месяца трудился на путине в составе объединённого стройотряда из Новосибирска, брат Миша устроил. Впечатления непередаваемые, на всю жизнь, которая могла тогда очень даже быстро закончиться.

Из Новосибирска до Владивостока они ехали поездом. В вагонах висели бодрые плакаты: «Берегись, рыба – студенты косяком идут!», предвещающая романтику и длинный рубль. Отряд был из разных институтов города – электротехнического, педагогического, медицинского, торгового, легкой промышленности и других.

А из Владивостока они поплыли на огромном корабле «Ильич», полученном СССР по репарациям из Германии. Не так давно этот корабль, переименованный из Caribia, возвра-

тился с капремонта из Японии и был совершенно невероятно отделан как изнутри, так и снаружи. И Женька, открыв рот, любовался его шикарной отделкой – красное дерево, мягкий свет навесного потолка, ковры под ногами, позолота колонн ресторана и прочее.

По прибытии на Шикотан они разместились в поселке Малокурильское, в домиках студенческого городка по десять – двенадцать человек. Всего на Шикотане было два села – Малокурильское и Крабозаводское, но никто не говорил «село», все предпочитали вариант «поселок».

Между Малокурильском и Крабозаводском была дорога, которая то ныряла в густой дальневосточный лес, то выходила к океану. И та дорога со времен японцев была вымощена лиственничными чурками. Наши поселенцы эти чурки довольно быстро пустили на дрова и в результате передвигаться приходилось не столько по дороге, сколько по руслам мелких речушек и по склонам сопок, покрытых низкорослым бамбуком.

Бамбук здесь рос повсеместно, но не в виде леса, а как трава, высотой двадцать – тридцать сантиметров. Географическая широта Шикотана как у Сочи, но под боком острова проходило холодное Курильское течение, и температура океана летом была около восьми градусов, а зимой он и вовсе замерзал. Так что пальмы здесь не росли, зато росла тисовая роща, как в Крыму.

Сухой закон! Казённое бухалово на острове не продава-

лось, но было много самогона. Лишь для проведения праздничных мероприятий и свадебных торжеств местные власти открывали свои алкоголические амбары. И тогда «казёнка» текла рекой.

Три четверти территории – охраняемая запретная зона.

С восемнадцати часов по местному радио на русском языке громогласно вещал «Голос Америки» с Филиппин. Из Токио передавали американскую радиостанцию Far East Network, которая гнала музыку без остановок по пятьдесят пять минут подряд, а потом пять минут передавала новости.

Путина была бойкой, шла сайра. Студенты в три смены трудились на рыбзаводе, кто на укладке, кто на разделке. Все было расписано: столько-то хвостиков рыбы уложить, столько-то брюшек... Работа была трудной и требовала внимания, но платили очень хорошо.

В конце недели на огромной деревянной танцплощадке, которая вмещала до двух тысяч человек, как в новосибирском Сад Дзержинского, устраивались танцы под настоящий ВИА. Уставали на смене, но на танцы сил хватало.

Здесь у Женьки и случился первый поцелуй с обжиманиями. Это когда они со студентками из мединститута пошли в недалёкий палаточный поход. Но забыли, что по острову проходит государственная граница СССР. И наткнулись на вооружённый отряд пограничников. Ночью! И эти солдаты их чуть не расстреляли. Со студентками была одна девочка, корейка, очень красивая, с горбатым носиком. И солдаты,

увидев её, словно с ума посходили. Кричали на неё на японском языке, да так дико! В общем, кое-как разобрались.

Ещё две девочки полезли к кусту нарвать с него цветов. А это был куст ядовитой Ипритки и их лица разнесло в совершенно круглое тесто. И потом это ещё и повторялось у них каждый год осенью в течении пяти лет. И в итоге им вкололи какие-то очень серьезные уколы, что бы они не задохнулись от отеков. Они ведь еще и нюхали эти красивые цветы на ветках. Потом всем студентам даже прочитали на этот счет лекцию. Почему не сразу?

В общем, нафиг-нафиг, такие походы с девочками!

Из облаков выглядывал вулкан Тятя-Яма, что на Кунашире. Его извержения Женьке увидеть не пришлось, но это и к лучшему. А вот землетрясения и цунами были рядовыми явлениями. В обычные дни от них Шикотан мерно покачивался незаметно для жителей, примерно, четыре качка в сутки.

Всего в десяти километрах от их поселка Малокурильское за небольшим перевалом был мыс Край Света с пятидесятиметровым уступом. С него была видна Япония и открывался бесконечный Тихий океан.

Когда подошло время уезжать в огромный, грязный, задымленный, но такой родной город Новосибирск, на работу ходить уже было не надо, но столовка работала и Женька ходил туда по несколько раз на дню, отъедался на дорожку.

И тут знакомый студент-медик позвал его за крабами в Крабовую бухту, что горела вдалеке красным цветом берега,

усеянного панцирями королевских крабов. Ну, конечно, же! И они пошли туда по береговой линии, пробираясь сквозь кустарники и другую мелкую растительность, «все дальше дальше да-а-альше отдаляясь от земли».

А про здешние приливы-то они и забыли!

И вдруг...

Стало темно, солнце круто прыгнуло вниз за горы острова Шикотан и их путь уже шёл сбоку и вверх, а вода начала прижимать их к скале. И вскоре они оказались отрезанными прибоем от берега.

Вода прибывала и они уже шли по узкой тропинке в скале все выше и выше... и эта тропинка вдруг кончилась. И они лезли уже по каким-то выбоинам в скале, оставленными их предшественниками из прошлых веков.

Всё! Под ними бушевал Тихий Океан!

Женька оступился, сорвался со скалы и упал в ледяную воду. И сразу начал тонуть из-за рюкзака и резиновых сапог. Его товарищ, студент-медик, тут же нырнул в воду и начал его спасать, поддерживая на плаву и помогая снять тяжёлый рюкзак и резиновые сапоги! Тем и спас, а плавать Женька умел, на Оби вырос.

Они осмотрелись вокруг... До берега было слишком далеко и они поплыли в океан в надежде выплыть из бухты и там выйти на берег. Они долго барахтались, их били волны, они захлебывались соленой водой, но... в итоге выплыли в океан и повернули к берегу.

Но выйти на берег им не получилось! Он был отгорожен от океана трёхметровым бруствером из мусора, бочек, ящиков, рыбацких сетей, коробок, досок и ещё черт-те чего. Они долго плавали, пока не увидели в бруствере прореху. И через неё вышли на берег. Причём, Женька вышел босым.

Ночью, через лес, кусты и по каменистым грядам они двинулись в сторону студгородка. Без крабов, естественно! Не наловили...

Женька был мокр, бос... но жив! Он осторожно ступал по каменистому грунту и дальневосточному стланику – карликовым соснам по колено, покрывающим весь остров. Когда они добрались до студгородка, там уже никого не было, всех отвезли на корабль!

Внезапно его спаситель студент-медик откинул свой матрас и снова спас Женьку. Под матрасом лежали две значенные бутылки портвейна «Агдам»! И стакан вина зашёл Женьке как лекарство: трясучка от мокрого хождения босиком по камням немного ослабла.

Про них не забыли! Радости не было предела и небольшой крайней группой они сели в мотошлюпку и полным ходом пошли в открытый океан к кораблю «Мария Ульянова», который и увёз их во Владивосток.

Во Владивостоке они пробыли два дня – ходили на пляж, загорали и купались в Японском море, ловили мелких крабов и морских звезд, ели необычную, но очень вкусную местную пищу – кальмаров, гребешков, мидий, китовое мясо,

рыбу, ещё рыбу, мелкие вьетнамские бананы, пили слабую водку со змеёй и корнем (Жень-Шень?). Владивосток он такой... весь в сопках, гористый, холмистый и таксисты носились по нему как угорелые.

Женька зашёл в Большой ГУМ на улице Ленинской и купил у местной фарцы японскую голубую джинсовую куртку и штаны.

Так, отработав два месяца на острове Шикотан и заработав кучу денег он вернулся в Новосибирск уже в середине сентября и зашёл в свой десятый класс в этой голубой джинсовой куртке и в голубых джинсовых штанах.

Учительница не узнала своего ученика, но весь класс был в восторге и закричал:

– Это наш! На-а-аш!

А с тем студентом-медиком, его спасителем, они долго потом дружили, пока не потерялись в жизни.

Замполит

– Алло, – ответно спросили в наушнике. – Это ефрейтор В.?

– Да, это я, слушаю.

«Это кто же меня по новому номеру разыскал? – удивился Женька, – Может Наташа его кому дала? Вряд ли, да она бы и сказала»

– А это замполит девятой роты. Помнишь б такого?

«Ну как же тебя забудешь, – подумал Женька. – Заместитель командира моей штурмовой роты по работе с личным составом, по старинке «замполит», а ещё раньше их звали «комиссары».

Человек, который сам на боевые задачи не выезжал, но много говорил и писал – отчёты, справки, наградные представления, извещения-«похоронки» и другую канцелярию роты, хотя это, по уставу – епархия старшины роты, который на боевые задачи тоже не ездил.

У «замполита» вся грудь в орденах и медалях (своя рука владыка?). Это же он у нашего взвода перед выходом на штурм изъясил все личные документы, включая паспорта и военные билеты, мол, так положено. Только банковскую карточку Женьке и оставил, даже не спросил про неё почему-то.

Но на эту карточку сейчас Женьке никаких выплат не приходило, волонтёры ходили к банкомату, проверяли. А почему, собственно?

Батя

Боль в переломанном теле была, но Женька её не боялся, наоборот, ждал. Когда она приходила, сестричка с дежурного поста отделения вкатывала ему пару кубиков какого-то хитрого обезбола в живот и боль уходила, сворачивалась ёжиком в углу сознания. А Женька потом как кино смотрел... то ли сон, то ли явь, цвет, звук, запах. Как что-то

снисходило на него.

Интересно, что это на него снисходило после того обезбола, который, да, обезболивал хорошо, но с утра от него ощутимо подташнивало?

Может это Бог снисходил? Что там мама Аня ему в детстве про Бога рассказывала? Она ведь их с братом крестила, хотя тогда комсомолок за такое не поощряли. Оба раза в обед убегала с завода и крестила. Видимо, заранее договаривалась с батюшкой. И молчала про это мышкой. Но Женька знал, где у неё их с братом крестики лежат. Простые такие, алюминиевые, на толстой нитке.

Отец Модест

Женька был вроде как человеком верующим, но воцерквлён был сравнительно недавно и о-очень быстро. За пять минут его воцерквил приходской батюшка – отец Модест, кроме шуток. И было это так...

Когда батя умер, Женька страшно переживал. Любил его, да и сейчас любит. И батя его любил, он знал. В общем, запил Женька с горя, чего уж там трезвенника из себя корчить.

И ехал он как-то на машине со своей трехдневной встречи с алкоголем на даче, дела уже не ждали. И увидел на трассе самодельную стрелку – направо, «Храм». Надо же, тысячу раз он здесь ездил, а этой стрелки не видел.

А дальше всё было на автомате, как кто-то другой за

Женьку руль крутил. Повернул он в небольшой поселок, а там на площади деревянный Храм. Красивый. Зашёл внутрь. Пусто, служба уже закончилась. За прилавком со свечками женщина:

– Чего вам?

Но приветливо спросила, без агрессии.

– Да я и сам не знаю. Вот батя умер, может, панихиду заказать?

– Подождите, сейчас отца Модеста позову, он еще не ушел, по-моему, – вышла женщина из-за прилавка.

И через минуту из алтаря вышел старенький благообразный священник. Он взял Женьку за руку, подвёл к поминальному столику и сказал:

– А давайте за вашего папу помолимся. Как его звали?

– Да я не умею...

– А вы просто стойте, да подпевайте, там несложно.

Отец Модест зажёл свечи. Размахал кадило. Еще служка подошел, Владислав, как Женька потом узнал. Он при Храме жил, малахольный немного, но шибко верующий. Про него говорили, что у него свой личный Иисус Христос, индивидуальный.

И они отслужили самый настоящий зауспокойный молебен по батю.

И что-то в Женьке тогда щёлкнуло. И потом пять лет как подорванный он ездил к отцу Модесту, и на службы, и домой. Ясен пень, не с пустыми руками. Ограду новую, кованную,

вокруг Храма поставил, аналои новые дубовые справил под иконы, и много ещё чего нужного для Храма сделал.

А потом отец Модест умер и из Епархии прислали молодого, но о-очень активного настоятеля с матушкой и четырьмя их детьми. А когда у человека четверо детей, ни до кого ему дела больше нет, чтобы он не говорил. Проверено! А нужны ему деньги, деньги и только деньги!

И Женькины походы за Благодатью закончились, и этому стали простые земные причины. Теперь только так – хочет помолиться, молится, на службе стоит, свечки ставит, записки пишет, в кружку кладёт. И всё, никаких личных отношений с клиром, богаче будет.

И чудилось Женьке в его дивном полусне-полуяви после «волшебного» обезбола в живот...

Вот он, семиклассник, пришёл из школы, поел маминых котлеток, запил их компотом из сухофруктов, прилёг на свой диван и заснул. Да сладко так. Никогда днём так не спал. А как спал? А просто спал, да и всё. Кстати, мама Аня говорила, что днем пару часиков поспать полезно.

Небольшая двухкомнатная квартира «хрущёвка-распа-шонка» на втором этаже панельной пятиэтажки, с пятиметровой кухней и совмещённым санузлом. Балкон с ограждением из прутьев и верёвками для сушки белья. Крашенный дощатый пол. Высота потолка два с половиной метра.

Обстановка в квартире самая простецкая. Ковёр как у всех – на стене. Круглый раскладывающийся стол с «венскими» стульями. Сервант, он же книжный шкаф, с самой обыкновенной посудой. На открытых полках – о, бальзам для души подростка – несколько небольших собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, Чехова и толстый «Словарь иностранных слов». На тумбочке в углу чёрно-белый телевизор «Радий». На нём красивая белая шитая салфетка углом под статуэткой «Девушка со снопом». Плоская трёхрожковая люстра. Всё!

Пора вставать! Скоро уже родители с работы придут и будет обязательная вечерняя программа – школьные уроки, короткая гулянка и перед сном любимое дело – поболтать с ба-тей. Батя в юности служил во флоте и любил рассказывать про службу, но и любил немного приукрасить. Вот и сегодня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.